

МАСКИ

С давних времен актеры пользуются театральными масками, комическими либо трагическими, однако и все те, кто составляет публику, носят в своей повседневной жизни самые различные маски – символы тех ролей, которые они играют в пьесе жизни. Роли могут меняться – сегодня одна, завтра другая, – но маска будет на лице всегда. Человек никогда не снимает ее.

Наши маски меняются с возрастом. Став взрослыми, мы надеваем на работу маску профессионала; придя домой – родителя или супруга. Некоторые маски подразумевают полную смену костюма. Собственно говоря, почти весь гардероб человека – это и есть его маска, необходимая для исполнения определенной роли: «я – соблазнительная молодая девушка»; «я – деловой человек»; «я собираюсь в деловую поездку, на охоту, на прогулку...» В каждом случае я наряжаюсь соответственно обстоятельствам. Внешний вид говорит о том, какую роль я играю в данный момент. Солдат, полицейский, служащий корпорации и дворник, подметающий улицу, – все одеваются для исполнения своих ролей.

Мы меняем маски не только в зависимости от ситуации и образа действия, но и при общении с разными людьми. У каждого человека множество масок, и он способен менять их с удивительной скоростью. Каждый раз при сознательной или бессознательной смене ролей мы меняем и их символы – маски. Общаясь с одним человеком, я играю одну роль и надеваю ту маску, которая для этого требуется, с другим – роль и маска для нее иные. У кого-то такие перемены не вызывают затруднений. Возможно, вам доводилось встречать людей – на вечеринках, например, – умеющих менять маски с молниеносной быстротой. Наблюдать за человеком, умеющим вращаться в обществе, когда он переходит от одной группы к другой, все равно что наблюдать за великим актером, мгновенно входящим в новый образ. Иногда разница между масками почти не заметна, иногда различия настолько резки, что бросаются в глаза. Сменив маску, один и тот же человек внезапно предстает перед вами в новом образе: серьезного работника, шутника, влюбленного, циника или энтузиаста.

Некоторые маски мы надеваем сознательно: среди мало интересных нам людей улыбаемся, смеемся глупым анекдотам и притворяемся, что внимательно слушаем, когда наши мысли витают далеко; на похоронах делаем грустное лицо. Иногда, конечно же, маска отражает истинные, спонтанные переживания: мы можем смеяться от счастья и плакать, потому что у нас горе, – но даже в этом случае наши жесты и мимика, соответствующие моменту, не являются врожденными, а приобретаются в очень раннем возрасте путем подражания. Даже некоторые самые элементарные формы самовыражения – например, кивок в знак согласия – не универсальны, а приняты лишь в том или ином этносе. Коллекции масок у большинства людей просто поражают своим богатством: их тысячи!

Привычка носить маску дается нам с рождения. С самого раннего детства, задолго до того, как ребенок произносит первое слово, он учится кричать не от боли, а чтобы привлечь внимание родителей, улыбается, чтобы снискать чье-либо расположение, и вообще разыгрывает спектакли. Нас с детства приучают вежливо говорить с

посторонними людьми, потому что это – часть человеческих отношений. Общественное давление заставляет нас держаться в рамках приличий. Мы не вправе ударить того, кто нам не нравится, но не можем позволить себе и изъятия любви к каждому, кто нам симпатичен, – опять-таки из-за светских условностей. Порой мы надеваем комическую или трагическую маску, маску скуки или безразличия, уверенности в себе или насмешки – все это маски, принятые в обществе.

Мы привыкли вести себя при общении друг с другом так, будто разыгрываем пьесу, зная свои роли назубок, при этом наши манеры служат нам такой же маскировкой, как и одежда. «Извините, пожалуйста», «Как поживаете?», «Желаю приятно провести время» – все эти слова – лишь навязанная нам окружением маска вежливости. Точно рассчитанный формальный поклон является непременным атрибутом социального поведения у японцев, тогда как в какой-нибудь другой национальной среде ту же роль выполняет похлопывание по спине.

Общество, как правило, заставляет людей казаться хуже, чем они есть на самом деле, хотя мы не всегда осознаем это. Порой мы демонизируем себя только для того, чтобы быть принятыми в определенном кругу. В милитаризированных кругах нужно казаться жестким, суровым и мужественным – только в этом случае тебя примут за своего; так называемый «высший свет» требует от человека быть остроумным, беспринципным и циничным. Ношение маски – это не только способ самоутверждения, но и необходимое условие для создания близких, интимных отношений. Много лет назад ко мне пришла накануне своей свадьбы молодая женщина с рядом вопросов, касавшихся брака. Незадолго до того она стала соблюдать еврейские традиции, но психологически и эмоционально принадлежала поколению шестидесятых. Мы говорили о том, какими она представляет себе свои отношения с мужем. Поскольку она прошла школу хиппи, ее идеал супружеской жизни был основан на полном доверии и открытости. Я сказал ей (хотя это может показаться не слишком похожим на совет раввина), что состоять в браке еще не значит, что вы постоянно находитесь в зале суда, где клянетесь говорить правду, только правду и ничего, кроме правды. (Нет, по правде говоря, это был настоящий совет раввина – см. Вавилонский Талмуд, «Йевамот», 65б).

Нет необходимости выкладывать друг другу всю подноготную о себе, что-то можно и пропустить. Примерно через полгода я встретил ее супруга и понял, что она не вняла моему совету. Невооруженным глазом было видно, как он страдает. Она не только говорила ему все, что думает о нем в каждый конкретный момент, но и подробно рассказала о своем прошлом. Я понял, что бедный муж не вынесет столько правды.

Положительная сторона ношения маски состоит в том, что она служит защитой нашего внутреннего «Я», а иногда защищает от него окружающих. Мы вынуждены носить ее, чтобы поддерживать нормальное течение жизни общества, беречь других людей, а не вредить им. Ведь резкое, грубое и бесцеремонное слово вполне способно уничтожить человека. Одну и ту же мысль можно выразить в разговоре с ним и жестко, безапелляционно, и более мягко, щадя его чувства.

У маски очень много функций, и снимать ее опасно. Иногда маска, подобно одежде, прикрывает наготу; иногда она – щит, а иногда – массивные железные латы. Тело необходимо защищать как от перегревания или ожога, так и от сильного переохлаждения. Физическая и психологическая нагота имеют много общего: в обоих

случаях и маска, и одежда дают преимущество для выживания. Это не ложь, а щит, броня, часть необходимых мер, которые человек вынужден принимать, чтобы не погибнуть.

Каждый носит маску, и все знают, что это не подлинное лицо человека. Совершаем ли мы, надевая ее, подлог, фальсификацию? Какие отношения связывают с ней человека? Маска обнажает и прячет одновременно. В каком-то смысле каждое слово – маска какой-либо идеи.

Между внутренним «Я» (если оно существует) и его личинами всегда сложные и запутанные отношения. Мы не безмозглые существа, мы обладаем сознанием и пользуемся масками по собственному выбору, который, однако, отражает нашу внутреннюю сущность. Всякий раз, когда человек надевает маску, – сознательно или бессознательно, – она никогда не бывает полностью чужда ему и неизбежно отражает хотя бы часть правды о его подлинном "Я".

Мы надеваем маску как нечто обращенное ко внешнему миру, однако выбор ее – следствие внутренних процессов, их результат, даже если мы думаем, что при этом подражаем кому-либо. Избранный человеком образ, в котором он хочет предстать перед окружающими, не менее важен для понимания его личности, чем исследование внутреннего мира. Так как наши личины являются следствием перманентных изменений, связанных с возрастом, статусом, требованиями общества, то у нас не существует избранного раз и навсегда, фиксированного облика – наша маска эволюционирует вместе с нами. Где кончается оболочка и начинается сущность? Панцирь черепахи – ее дом? Убежище? Можно ли представить себе черепаху без панциря? Конечно, между ней и человеком огромная разница: черепаха не может менять панцирь по своему желанию. Человек – существо более сложное, и поэтому способен менять и действительно меняет свои маски. Однако мы создаем образ, а он, в свою очередь, влияет на формирование личности. В художественной литературе немало произведений на тему о том, как человек, пронесивший маску достаточно долгое время, не может ее снять, а если и снимает, то обнаруживает, что его лицо без маски сохранило с ней сходство, хотя он больше и не хочет ее носить.

Если возможна смена образа, то должно существовать и истинное «Я», которое это делает. А есть ли оно вообще, можно ли полностью избавиться от маски? Человека нельзя увидеть без нее даже в его спальне. Он всегда играет какую-либо роль – и находясь среди хорошо одетых людей, и лежа голым под одеялом, – хотя, конечно, речь идет о совершенно разных ролях. Маска будет иной, но все равно останется таковой. Кажется, нам никогда не удастся до конца избавиться от личин.

Во многих культурах существует страх перед физическим обнажением, но еще больший страх вызывает обнаженность духовная. Мы чувствуем, что внутри нас много плохого, способного вызвать у других отвращение, раздражение или смех. Поэтому мы продолжаем играть роли, опасаясь выйти из образа и обнажить то, что скрывается внутри. Годы жизни и учебы добавляют новые слои к защитной оболочке нашего существования. Их можно снимать один за другим, как слои луковицы, но что останется в конце концов? Нас пугает мысль о том, что все наше существо напоминает луковицу и если снять с него слой за слоем, то в результате ничего не останется.

С другой стороны, мы стремимся раздеться. Воин, возвращающийся с поля брани, хочет снять доспехи, бизнесмен, оказавшись дома, – сбросить пиджак и галстук. Точно так же нас утомляет множество покровов вежливости или респектабельности, у нас может появиться стремление обнажить то, что скрыто под ними. Мы надеемся, что оголившись, обретем легкость, свободу, даже счастье. Порой нам кажется, что если бы мы были способны сбросить маски образованности или интеллигентности, то обнаружили бы под ними нашу внутреннюю суть. Это ощущение основано на предположении, что простые люди являются более правдивыми, подлинными, настоящими, безыскусными. Так ли это? «Голый» человек, первобытный человек, человек без маски – честнее ли он и естественнее ли, чем в маске? Является ли она навязанной или так же натуральна, как и известные только нам самим аспекты личности? Правильно ли считать голого человека более естественным, чем хорошо одетого джентльмена? «Настоящий Адам» – голый или одетый?

Так что же происходит, когда люди снимают «одежду» и высказывают то, что думают? Давайте выразим ту же мысль по-другому, чтобы она выглядела более живописно. Предположим, я говорю кому-то: «Я хочу увидеть тебя таким, какой ты есть на самом деле. Раздевайся!» Человек раздевается, остается совершенно голым. Тогда я говорю: «Нет, этого мало. Ты все еще одет. Сними всю плоть. Надо дойти до самой глубинной сути. До костей». Неужели скелет подлинней, чем человеческое тело с плотью и кровью? Это ли суть человека? Разве так лучше видно "настоящую личность"?

Но действительно ли человек, подвергающийся психоанализу, познает истинного себя? Снятие всех слоев, одного за другим, открывает вовсе не «подлинную» сущность личности, а всего лишь иную ее грань. Все это – частичная реальность. Маленький ребенок, научившись снимать одежду с куклы, начнет раздевать всех кукол, какие попадутся ему под руку. Затем он попытается раздеть собаку. Возможно, дети обладают истинно научным любопытством: они хотят видеть правду, знать, что находится внутри каждой вещи.

Что стоит за этой метафорой? В чем истинная сущность человека? Разве одеяния, которые мы носим, став взрослыми, хуже данных нам от рождения? Если лишить человека всего приобретенного им в течение жизни и оставить только исходно присущее ему, он не станет от этого чище. Чистая духовная сущность личности принадлежит другому миру; это не все его внутреннее «Я». Личность носит комбинированный характер и включает в себя плоть, кровь, чувства, разум, темперамент, душу и... маски.

Истинного «Я», скорее всего, не существует. Его поиск состоит не в том, чтобы ответить на вопрос, возможно ли обнажиться полностью, и не в том, выявляет ли такое обнажение подлинную правду. Главное – понять, можно ли считать подобное срывание покровов достижением. То обнаженное существо, что предстанет перед нами, – лучше ли оно прежнего человека? Или же наоборот: измененный, цивилизованный, подтянутый человек выше по своему уровню?

Приведу историю о встрече между раби Акивой и римским наместником Иудеи Тиннеем Руфусом (которого иудеи прозвали тираном Руфусом), иллюстрирующую этот запутанный вопрос. Между ними состоялся философский диспут, который был связан, с одной стороны, с духовным крахом язычества в самом Риме, а с другой – с политическими трениями между еврейским населением и римскими правителями.

(Это произошло примерно в 130 году н. э., перед восстанием Бар Кохбы против римлян. Раби Акива был одним из величайших мыслителей своего времени, да, в общем-то, и всех времен. Тинней Руфус не одержал победу в этом споре; он завершил его позже, попросту приказав казнить своего оппонента).

Римлянин спросил раби Акиву: «Что выше – природа или то, что с ней делают люди?» Раби Акива ответил, не задумываясь: «Выше то, что делают люди». Римлянин задал следующий вопрос: «Может ли человек создать небо и землю?» «Нет, – сказал Акива, – мы не можем создать небо и землю, но то, что люди умеют делать, у них получается лучше. Взгляни, с одной стороны, на стебелек льна, а с другой, – на ткань, сделанную из него; взгляни на ворох пшеницы и на каравай хлеба. Какое из этих творений выше?» Не найдя ответа, римлянин спросил: «Скажи мне, почему ты обрезан?» Тинней Руфус хотел доказать, что природа более совершенна, чем творения рук человеческих, тем самым опровергая одно из основных положений иудаизма, которое гласит, что человек – соучастник в деле Творения, он несет ответственность за этот мир и обязан преобразовывать его, делая лучше. Раби Акива не дал ему развить эту мысль. Он не собирался шутить, и его слова не были тактической уловкой. Из позиции, представленной раби Акивой, следуют далеко идущие выводы. Природный, естественный объект не обязательно является более высоким или совершенным. Человек, который одет, а следовательно, более приспособлен, переходит на другой, более высокий уровень совершенства.

Заповедь Торы в отношении священнослужителей гласит: «И сделай им нижнее платье льняное, чтобы прикрывать наготу, от талии до колен» («Исход», 28:42). Эта заповедь не призвана приучить священнослужителей к скромности, дабы никто не мог увидеть интимные части их тела обнаженными (они носили длинные рубахи до самых щиколоток). Она, по всей видимости, преследует иную цель: скрыть наготу священников от них самих.

Это платье имеет символическое значение и необходимо для проведения некоторых ритуалов, однако оно имеет и психологический смысл. У каждого человека есть то, что лучше скрывать от всех, и от себя в том числе. Желание обнажить сокрытое не всегда похвально. Одежда не помогает нам избавиться от своих секретов, а только прячет их. Постоянно обращаясь к ним и выставляя на всеобщее обозрение, можно причинить себе сильный вред. В личности каждого человека есть негативные аспекты, которые следует подавлять и прятать поглубже, чтобы не возник соблазн развивать их и даже сделать доминирующими. В каждом из нас скрыта порочность, чего мы зачастую даже не осознаем. До тех пор, пока зло спрятано, человек еще может как-то бороться с ним, но когда оно обнажено, хрупкое равновесие его «Я» нарушается и зло становится опаснее, чем тогда, когда оно пребывало в латентном состоянии. Французский философ Монтень писал, что если бы людей наказывали за их мысли, то каждый заслуживал бы повешение по несколько раз на дню.

Такое подавление можно рассматривать не только как защитный механизм против посторонних – он защищает людей и от них самих.

Есть такое арамейское выражение: «То, что сердце не открывает рту»⁽¹⁾. Точно так же существуют вещи, которых сердце не открывает даже самому себе. Лишь исключительные люди могут без дрожи заглянуть в бездну своей души. Вглядываться в

нее – все равно что пробивать корку застывшей лавы в кратере: раскаленная масса может вырваться наружу и испепелить все вокруг.

Таким образом, маска целомудрия – не что иное, как средство самозащиты. Снимать ее следует с большими предосторожностями и как можно реже. «Лукавее всего сердце человеческое и крайне испорчено; кто познает его?» – сказал пророк Иеремия (17:9). Б-г, естественно, знает об этом; некоторые из людей подозревают, что это так, но удобней находиться в неведении. Прикрытие – не обман, а скорее способ сдерживания и контроля. Все в человеке должно находиться во взаимодействии друг с другом, ему следует разумно использовать то, чем он обладает, но прежде всего надо держать своих внутренних хищников в клетке.

На одном из диспутов о милосердии мудрецы говорили о тех, кто притворяется нуждающимся в пожертвованиях, а на самом деле может обойтись без них(2). Они утверждали, что человек, прикинувшийся хромым и просящий на основании этого милостыню, не умрет до тех пор, пока не охромеет на самом деле, а того, кто притворялся больным, сведет в могилу та самая болезнь, которую он симулировал. Маска станет реальностью. Маска оказывает очень большое влияние на человека, даже против его воли. Один из участников этого диспута сказал: «Так бывает с тем, кто прикидывается хромым. А что тогда ждет того, кто притворится святым?» Ответ такой же: он не умрет, пока не станет святым. И это действительно наказание, потому что жизнь святого неизмеримо тяжелее жизни святоши. Но это и награда – за то, что человек надел именно такую маску.

Мидраш говорит, что на горе Синай Г-сподь появлялся перед каждым в том облики, в каком Он представлялся до этого человеку(3). По еврейским понятиям, лидер – это человек, способный найти индивидуальный подход к каждому. Может быть, это дар Б-жий: уметь появляться перед человеком таким, каким он хочет тебя видеть.

Вероятно, коренной вопрос заключается не в том, может ли человек обнажаться, и не в том, надо ли ему это делать, а в том, какую маску ему нужно носить. Каким способом мне следует принарядить свою личность, чтобы она выглядела наиболее возвышенной? Человек и его маска, природа и артефакт, рука и инструмент – все это взаимосвязано. Человеческая природа уникальна: нам дарована способность самим выбирать себе маску – демона или ангела.

Примечания

1. "Когелет раба", 12:9, "Мидраш тэгилим"э псалом 9.
2. Мишна, "Пэа", 8:9.
3. "Шмот раба", 5:9.